

Рука Кан Ваня медленно сжалась в кулак, но так и не обрела опоры.

Он резко поднялся. Ли Лин не стал его удерживать; он просто откинулся на подушку и снова погрузился в смутный сон.

Кан Вань долго сидел на краю кровати. Собираясь уже уйти, он краем глаза заметил красную шнурку, выглядывающую из-под угла подушки.

Он потянул за шнурку и вытащил нефритовую подвеску Гуаньинь. Раз Ли Лин прятал ее под подушкой, значит, вещь была для него очень важна.

Кан Вань взял подвеску в руки, повертел ее, и свет лампы упал на выемку внизу, где были выгравированы три иероглифа: «Цзян Гуаньюй».

В этот момент Кан Вань сжал подвеску так сильно, что на руке вздулись жилы, словно он хотел раздавить эту маленькую вещь.

Ли Лин спал, ничего не подозревая, с расслабленным выражением лица; вероятно, ему снился тот, кого он хотел видеть.

Когда Кан Вань разжал ладонь, он посмотрел на свою покрасневшую руку, положил подвеску обратно под подушку и, опустив голову, вышел.

На следующий день Ли Лин проснулся сам по себе. Ему так хорошо спалось, что, очнувшись, он еще долго валялся в постели, ленясь вставать.

Когда утренний свет стал ярче, Ли Лин медленно открыл глаза и вдруг вздрогнул: картины вчерашнего вечера после возвращения home ворвались в память.

Он резко сел, потряс головой и, опустив gaze, просидел на краю кровати какое-то время. Сцены прошлой ночи становились все отчетливее, и сердце его камнем пошло ко дну, нахлынув безотчетная тревога.

Он скинул одеяло, встал, накинул куртку и вышел из спальни. В доме царил тишина: в это время Кан Вань уже должен был быть на уроках.

Он достал телефон: было уже девять часов. Фан Хуай прислал сообщение, в котором писал, что вчера Ли Лин был пьян без сознания, поэтому сегодня утром ему дали полдня отпуска.

Ли Лин убрал телефон и пошел на кухню. Как и ожидалось, индикатор подогрева на рисоварке горел, но сегодня сверху лежала записка.

Ли Лин на мгновение замер, прежде чем взять её.

В ней была всего одна короткая фраза:

— Брат Лин, я решил все-таки жить в общежитии.

Ли Лин стоял неподвижно долго, потом тихо вздохнул. Он сжал записку в кулак, собираясь выбросить, но в итоге не стал этого делать. Вместо этого он достал теплый завтрак и начал есть.

Вечером он вернулся с работы допоздна. На кухне снова грелся ужин: Кан Вань, видимо, уже заходил, чтобы забрать кое-какие вещи и переехать в школу.

Ли Лин стоял на кухне, и хотя свет был включен, тепло в доме постепенно уходило, оставаясь лишь в мерцающей лампочке индикатора подогрева.

Но на самом деле ничего страшного не произошло. Когда Ли Лин накладывал рис, несколько зернышек упало на пол. Он наклонился, подобрал их и выбросил в мусорное ведро, затем в последний раз взглянул на идеально чистую столешницу.

Разве в прошлой жизни он не жил именно так? Привыкнешь. Как он привык к присутствию Кан Ваня, так он когда-то привык к бабушке и к Цзян Гуаньюю, но в итоге снова остался один.

Ли Лин провел несколько дней, работая до поздна и питаясь фастфудом. Даже Сяо Лю и девушка на ресепшене заметили, что что-то не так:

— Брат Ли, домой на ужин не идешь? Ждут же.

Ли Лин ответил:

— Никого нет дома, все уехали.

Ли Лин не хотел распространяться, и они не стали расспрашивать.

Когда только отвыкаешь от привычки, труднее всего. Постоянно вспоминаешь, как хорошо было раньше. Ли Лин с головой ушел в работу, перекусывался на бегу, а иногда вообще пропускал приемы пищи.

Однажды, устав сидеть в офисе, он даже не стал задерживаться сверхурочно, а пошел в спортзал позаниматься со штангой, поболтать с теми, кто пытался с ним заговорить, и вернулся домой очень поздно.

Тренер в спортзале спросил про его рацион, и Ли Лин ответил. Тренер вздохнул:

— Вы, элита, даже не понимаете, что питание — это вопрос номер один. Зачем вам спортзал, если вы не заботитесь о здоровье? Понимаете, что такое предболезненное состояние?

Ли Лин лишь улыбнулся: знать одно, а делать другое — большие разница.

Кан Вань уехал в школу, словно капля в море — без единого звука. Вероятно, он учился отлично и был тем учеником, о котором учителя меньше всего беспокоятся — ему даже разу не позвонили.

Зато позвонила бабушка.

В тот день Ли Лин как раз оказался дома. Бабушка позвонила, они поговорили о новом магазине: бизнес пока шел вяло, но в ювелирном деле нельзя торопить события. Потом она спросила, не слишком ли он устает на работе, много ли переработок, а в конце добавила:

— Сяо Вань дома? Позови его к трубке.

— Ээ... — Ли Лин посмотрел на дверь спальни Кан Ваня. Она была закрыта уже давно и открывалась только для уборки. Он немного подумал и сказал правду:

— У него перед экзаменами очень много занятий, я попросил его переехать в общежитие.

— Ну, тоже верно. У выпускников большой стресс. Я помню, когда ты был в выпускном классе,

я все боялась, что у тебя случится нервный срыв, — сказала бабушка. — Но все же в школе еда и жилье — не то, что дома. А Сяо Вань такой молчаливый мальчик, очень выносливый. Мы, конечно, помогаем ему с учебой, но я боюсь, что если у него будут денежные трудности, он постесняется попросить у тебя. Присмотри за ним, сходи в школу посмотри.

Ли Лин подумал, что действительно стоит съездить в школу. Бабушка продолжила:

— Может, мне все-таки вернуться? Без Сяо Ваня ты, боюсь, снова станешь убивать свое здоровье.

Ли Лин не знал, смеяться ему или плакать:

— Мне уже скоро тридцать, неужели я, взрослый мужчина, не могу о себе позаботиться и нуждаюсь в том, чтобы меня опекал тот, кто моложе меня на десять лет?

Бабушка отрезала:

— Это твой характер, причем тут возраст.

Ли Лин долго уговаривал её не приезжать, пообещав, что через пару дней сам приедет в Линьчуань, чтобы она увидела его.

Через два дня Ли Лин выделил время и съездил в школу Кан Ваня.

Он никогда раньше не бывал в роли родителя. Припарковав машину и подойдя к школьным воротам, он увидел девочку в форме, идущую с отцом; мужчина среднего возраста нес пакеты с молоком и фруктами. Ли Лин тут же сообразил, в чем дело, побежал в ближайший фруктовой лавке, купил свежих фруктов и, подражая мужчине, взял ящик молока.

С грузом в руках он пошел к классу Кан Ваня, но опоздал: в это время ученики уже ушли обедать или гулять и вернутся только к вечернему самоподготовлению.

Кан Ваня не было. Ли Лин постоял у двери с пакетами, спросил у оставшихся в классе учеников, где место Кан Ваня, и оставил там вещи.

Один из парней посмотрел на него и спросил:

— Вы дядя Кан Ваня?

Рядом девочка засмеялась:

— Какой же он дядя, он слишком молодой. Наверное, брат?

Ли Лин улыбнулся, поблагодарил ребят и вышел из класса. Как раз в этот момент из соседнего кабинета вышла учитель Дай.

Увидев Ли Лина, учитель Дай удивилась. Ли Лин сказал:

— Здравствуйте, учитель Дай. Я как раз собирался зайти к вам в кабинет.

Учитель Дай пригласила его в кабинет, усадила рядом со своим столом и сказала:

— На самом деле, я и сама собиралась вам позвонить, чтобы кое-что обсудить.

Ли Лин не на шутку встревожился:

— С Кан Ванем что-то случилось?

Учитель Дай улыбнулась и махнула рукой:

— С ним все в порядке, он не создает никаких проблем. Просто я, преподаватель с большим стажем, чувствую, что в последнее время он чем-то озабочен. И, наверное, это связано с его переездом в общежитие?

Ли Лин на мгновение умолк. Учитель Дай уточнила:

— Из-за семейных проблем?

Автор хочет сказать: Вернулся слишком поздно, едва успел с публикацией.

<http://bllate.org/book/16595/1516673>